

А.Н. ЦЕПЕННИКОВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-32
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-008.6

ТРАНСГРЕССИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ЛИТЕРАТУРЕ ЭМИГРАЦИИ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ»

Аннотация. В данной статье на материале рассказов писательниц И. Одоевцевой и Т. Толстой анализируются общие черты и различия в осмыслении образа дома русскими эмигрантами «первой» и «четвертой» волны.

Ключевые слова: Одоевцева, Толстая, дом, эмиграция, потеря

Для людей, по разным причинам, но вынужденно покинувшим свою страну, остаются актуальными, даже спустя почти сто лет, одни и те же проблемы. Одно из острейших потрясений для покинувших родину – потеря своего мира, потеря дома, чувство метафизической «бездомности». М.С. Анисимова, исследуя творчество И. Шмелева и М. Осоргина, отмечает, что «для русской ментальности именно концепт дома стал своеобразным источником основного этнического потенциала, вобрав основные культурные знания и закрепив нравственно-этический кодекс поведения» [Анисимова 2007: 1].

На примере рассказов И. Одоевцевой «Эпилог» (1926 г.), «Дом на песке» (1926 г.) и Т. Толстой «Лёгкие миры» (2013 г.) проследим общие черты и различия в осмыслении образа дома русскими эмигрантами «первой» и «четвертой» волны.

Для героинь И. Одоевцевой из рассказов «Эпилог» и «Дом на песке» воспоминания о России, о Петербурге являются важной частью культурной самоидентификации, воспоминания остаются для них той связующей нитью, которая позволяет не утратить окончательно надежду и смысл существования: «А в России теперь снег...», – так, именно с воспоминаний о России, начинается рассказ «Эпилог» И. Одоевцевой. Герой вспоминает, как прятался от большевиков в доме, как его искали... Свое былое счастье героини Одоевцевой связывают именно с родиной: «Помнишь, как мы мечтали бежать, спастись. Тогда Париж, Ницца казались нам раем. А теперь мы видим, что все это жалко и скучно. Знаешь, Таня, может быть, в России мы были бы счастливее...» [Одоевцева 2011: 34], «В Берлине я чувствовал себя тревожно. Там шел снег и была оттепель. И это слишком напоминало Петербург. А здесь... Ты представить себе не можешь, какое движение в Си-

ти»...» [Одоевцева 2011: 34]. В словах героя противопоставлены гармония, естественность, устойчивость былого русского мира и изматывающая суэта делового западного общества. «Исследователи феномена русской эмиграции не раз подчеркивали непреодолимую тоску русских за границей, их нежелание быстро адаптироваться к местным условиям и перестать быть русскими. Общим моментом, объединяющим культурных и политических русских эмигрантов, становится и постоянное, временами навязчивое, соотнесение себя с оставленным ими отечеством» [Минеева 2013: 41].

Героиня не удовлетворена новой реальностью, своей нищетой: «У себя в комнате она сняла платье и повесила его в шкаф: «Когда еще сошьешь новое?» И, надев халат, принялась жарить бифштекс на спиртовке: «Господи, и это моя жизнь» [Одоевцева 2011: 35]. Она мечтает о роскошной жизни в своем богатом доме с прислугой. Однако, получив возможность роскошной жизни, героиня понимает, что потеряла все: «А теперь я живу в “Негреско”, в той угловой комнате с желтыми шторами, на которую мы часто смотрели» [Одоевцева 2011: 39], «Вот ее комната... Вот ее драгоценности и платья, о которых она так мечтала когда-то. Зачем они ей? Толстый ковер на полу, но такое чувство, будто под ногами камни и сырая земля этой томительной, бесконечной прогулки... Камин ярко горит, но ей холодно, точно кругом все еще туман и дождь. «Я, кажется, простудилась... Ах, не все ли равно...». Она встала и зажгла все лампы. «Ведь и у меня была собственная жизнь и муж... А теперь, что же это такое? Ничего нет. И ничем нельзя помочь. Я сама виновата» [Одоевцева 2011: 42]. «Она села в проезжавшее такси. Ей было холодно и неприятно. «Ничего, ведь я сейчас дома. Дома?». Она представила себе большое белое здание отеля с бронзовыми нелепыми фигурами. «Разве такой бывает у людей дом?» [Одоевцева 2011: 43].

Отель, случайное, хоть и богатое жилище – не дом, дом предполагает семью, любовь, счастье. Приобретя деньги, героиня потеряла себя самое, став причиной самоубийства героя.

В другом рассказе писательницы «Дом на песке» также присутствует мотив дома: «Она подняла валявшуюся на песке детскую лопатку.

– Давай строить себе дом.

Он помог ей, и они выстроили из песка маленький дом и устроили сад из морских водорослей.

– Теперь смотри, – сказала она серьезно. – Это наш дом. Мы живем в Версале. Ты вернулся со службы домой иходишь в наш сад. Видишь, какие у нас цветы? Это я ухаживаю за ними. Слышишь, как

шумят липы? Тыходишь сюда, в прихожую, я бегу тебе навстречу. Потом идем сюда, в гостиную, и садимся тут, у окна. Комната маленькая, но солнечная, мебель белая. Мы ее купили на выплату, и она нам очень нравится. О чем ты говоришь? Ты очень скучал весь день без меня. Но ведь теперь мы вместе. А в кухне на плите у меня кипит суп» [Одоевцева 2011: 52].

Цветы, солнечный свет, белая мебель создают атмосферу уюта. Но это только мечта, игра, дом на песке – набегающие волны смывают его, ветер разрушит песчаные стены. Таким образом, в рассказах И. Одоевцевой прежний, родной для героини дом оказывается утраченным навсегда, неизбежной становится «неподлинная» жизнь в случайно снятых жилищах, а Дом остается лишь прекрасной мечтой.

Нечто близкое в трактовке мифологемы дома встречаем в рассказе Т. Толстой «Лёгкие миры». Героиня переживает психологическую травму и дискомфорт, ощущение ушедшей из-под ног почвы, побудившие ее сменить страну: «Стоит – а вернее, течет, хлещет и бурлит – 1992 год, и я приехала из России, где все развалилось на части и непонятно, где чье, но уж точно не твое, и где земля уходит из-под ног» [Толстая 2013].

Точно так же, как и героиня Тэффи и Одоевцевой, эмиграция лишила героиню Толстой ее дома, семьи, привычной обстановки: «Между тем моя семья тихо распалась – разохлась со временем, и все разбрелись в разные стороны. У детей уже были свои семьи» [Толстая 2013]. Она находится на границе двух миров: старого больше нет, а новый – слишком непонятный и не принимает ее. Несмотря на то, что она живет в Америке уже три года, ей не удается вписаться в местную среду и принять новый для нее тип ментальности. Память постоянно уносит ее в прошлую жизнь в Советском Союзе, причем, даже не вполне законные и этичные поступки вспоминаются как характеризующие «широту» и «удаль» русской природы, например, кража со склада военной прокуратуры стройматериалов в 1978 г.: «Первые утренние пешеходы уже куда-то спешили по орошенным поливальными машинами улицам, июль вставал, роскошный и свежий, жизнь была в полуденном цвету. Мы много там наворовали, хорошо обчистили военную прокуратуру, до сих пор я чувствую благодарность и трепет» [Толстая 2013]. А вот американский плотник – не народ, в отличие от бессовестных маляров, оккупировавших под видом ремонта московскую квартиру рассказчицы, этот американский плотник «не спал днем в ватнике с открытым ртом, не предавался буйным утехам на рабочем месте, не пробивался в легкие миры с помощью портвешка с плавленым сырком «Дружба», к нему не являлась жаркая Венера под личи-

ной генеральши, и вообще мифотворческая сила в нем не бурлила, потому и построил он террасу тупо и точно; с накладной не обманул, сколько договаривались – столько и взял, и не ссылаясь на то, что рельеф местности как-то особо ужасен или бревна оказались необыкновенно неподатливыми и надо бы прибавить» [Толстая 2013]. Процедура покупки дома в Америке тоже оказалась абсолютно законной, а потому неинтересной: «Вот так скучно и просто это все оказалось. А где же поэзия взятки – подсунутый конверт, опущенные глаза, тревога, что не возьмет или, наоборот, глянет, и ему будет мало?» [Толстая 2013]. Авторская ирония показывает, что известная воровская «лихость» русского человека осознается ею как нарушение закона, но, видимо, послушание законам, освящающим собственность, не кажется ей несомненной добродетелью.

Мотив оставленности, неприкаянности, чужести является в рассказе Т. Толстой преобладающим, как и в рассказах писательницы-эмигранток «первой волны»: «Нет большего одиночества, нет большего холода, нет глубже отчаяния. Никто не думает обо мне в этой пустоте – папа умер, а остальные спят. И нет друга, и негде взять его» [Толстая 2013]. Пытаясь вписаться в новую среду, рассказчица устраивается на работу в колледж, где ей приходится учить бездарных студентов писать прозу. Оказалось, что условием успешного преподавания является отказ от собственного интеллекта: «Опытный преподаватель знает: студента не нужно учить. Надо создать у него ощущение, что он научился». Выхода нет: «Мне нужна эта работа, и она у меня будет. И если надо будет встать на четвереньки и лаять – я встану и буду лаять» [Толстая 2013]. Работа нужна героине только для того, чтобы приобрести свой дом: «один акр Соединенных Штатов Америки». Дом вовсе не престижный, он нужен не ради получения гражданства или бытового комфорта. Затерянный в глуши, далеко от места работы, дом «был совсем пустой, голый, старенький. Полы были темными и затоптанными, окна занавешены только с улицы – темными еловыми ветвями; не люблю я ели, это дерево мертвецов. Еще хуже голубые ели, цвета генеральского мундира, ну так их и высаживают там, где лежат карьерные покойники; одна такая елочка светлела на участке соседа. Мне, значит, на нее смотреть. Под потолком, в углах, уже покачивалась коричневая паутина» [Толстая 2013]. Но в доме была одна особенность, которая и решила вопрос о его покупке – там был выход в «легкие миры». Недостроенная прежним владельцем (не хватило денег, грянул развод), стеклянная веранда обещала чудо: «За порогом была небольшая зеленая пропасть, а чуть дальше росла сосна, и в солнечной ветке под ней пробились прошлогодние иголки и стояли,

потупившись, ландыши. Сердце мое сбилось на один стук». Таким образом, для героини Дом – это место, которое дарит ощущение простора, свободы, абсолютной гармонии с миром. Комфорт оказывается совсем не главным: «...я сплю в волшебной комнате. <...> Из-под двери свищет холодом, так что зимой и ночью в комнате неуютно, но это только для тех, кто не видит и не знает: отсюда есть ход в легкие миры. Дом окружен снегами, они поднимаются высоко. Когда взойдет солнце, оно просветит комнату насквозь, от южных розовых сугробов до северных голубых, и комната станет как корабль, покачивающийся на воздухе. Мы не знаем, откуда берется счастье. Но есть такие места, где оно лежит, насыпанное горкой» [Толстая 2013]. Мотивы корабля, отрешенного от земли, воздуха, розового и голубого снега, света создают атмосферу особого, прекрасного мира, достойного человека. И, конечно, это иллюзия, мир мечты, который замещает убогую реальность: «Волшебная комната <...> была печальной и холодной. И стеклянные двери ее открывались совсем в никуда. Я любила этот дом одна» [Толстая 2013]. Получается, что не обстоятельства (дом) определяют самочувствие героини, а наоборот, ее душа преображает убогий дом в счастливый, легкий Дом.

Как героини Н.А. Тэффи – Сашенька из рассказа «Маркита» или манекен Наташа из «Авантюрного романа» – в попытке убежать от ужасов эмиграции, надевают маски, так героиня Т. Толстой ищет «легкие миры» – как попытку уйти от окружающей ее чужой реальности. Для автобиографической героини Толстой, известной писательницы, «легкие миры» – это миры творчества, искусства, в которых ей легко и свободно дышится и где нет жесткой ограниченности и фальши окружающей ее реальности. А реальность, в которую попадает героиня, оказывается совершенно для нее противоестественной: она становится участницей бесконечной американской гонки, по несколько часов добираясь на работу. «Я знаю, какой перекресток буду проезжать, под какими деревьями стоять на светофоре, когда проклюнется на горизонте тяжелое малиновое негреющее солнце. Я знаю, на какую дорогу поверну, когда оно выкатится на небеса во всей своей утренней славе, белое и страшное – как на бешеных картинах Тёрнера, – и ослепит всех водителей всех машин, несущихся со мной на зимний, сдвинутый к северу восток. Опустить щиток, надеть черные очки – вся армия водителей одновременно делает то же, все мы автоматы, все прогрызаем себе путь в тяжелом мире крошащимися зубами.

Нет, пяти часов недостаточно для сна, поэтому все четыре часа пути посвящены тому, чтобы ни в коем случае не заснуть и не вылететь на обочину, не перевернуться, не врезаться во встречную машину.

Методика разработана: надо непрерывно пить кофе, курить, приоткрывая окно и впуская ледяной воздух, что-нибудь жевать, очень громко слушать Гребенщикова или «Аукцион», еще лучше громко петь и орать, перекрикивая кумиров. Дурдом на колесах несется по американской дороге, вылетает на четырехполосное шоссе, и я вижу, что я не одна такая, в соседних машинах происходит то же самое: курят и поют, а самые страстные вообще танцуют за рулем, отбивая такт и ладонью, и двумя. Вот широкое шоссе, гремя и свистя, ушло вбок, а мне на север, и солнце уже высоко, и оно небольшое – солнце как солнце» [Толстая 2013]. Оказавшись встроенной в этот непрерывный поток машин, нельзя ехать медленнее или быстрее, все вынуждены одинаково мчаться... Это напоминает какой-то жуткий конвейер, в который впаян человек.

Американская система образования не устраивает рассказчицу: «Всякая там искренность, указание на идеалы, призывы к совести, высокие примеры и прочая пафосная хрень, столь любимая на нашей родине, здесь совершенно не работает. Тут нужно непрерывно развлекать коллектив и одновременно дать почувствовать каждому студенту, что вот именно он тут самый главный, предмет моей пристальной заботы» [Толстая 2013]. Таким образом, менталитет героини оказывается несовместимым с американским укладом жизни. Это отмечала и М. Рубинс в статье, посвященной творчеству И. Одоевцевой: «Отчужденность русских эмигрантов от западной среды, в которой они оказались по стечению обстоятельств, часто показана через мотив психологической и эмоциональной несовместимости русских с англичанами или американцами – именно они, а не французы оказываются у Одоевцевой маркированными «иностранцами» («У моря», «Эпилог», «Изольда») [Рубинс 2011: 16].

Неуютная, чужая атмосфера на работе выматывает героиню еще больше, усугубляя ее психологическое состояние: «Год был плохой. Я жила рядом с колледжем, иссушавшим мою душу, выпивавшим из меня все живое; красота вокруг была необыкновенная: высокие ели, белые снега; здравствуй, смерть-красавица». Вписаться в новую атмосферу для героини оказалось настолько сложным, что она решает уехать, как только закончится ее годовой контракт с колледжем: «При этом работа в колледже убивала меня. Еще несколько лет назад я умела видеть сквозь вещи, а теперь на меня надвигалась умственная глаукома, темная вода. Надо было бросать тут все и ехать домой – в свой прежний дом, в Москву, например. Или в Питер. Вот доработаю свой срок по контракту – и уеду» [Толстая 2013].

Однако среди этого нашлась небольшая «отдушина»: одаренный студент, обладающий писательским даром, с которым ей удалось строить «легкие миры», обсуждая архитектуру текста: «Вторым был парень, который на обычных уроках – ведь это был обычный колледж, разве что с уклоном в «искусства» – считался идиотом. Он и выглядел неавантжно: мешок мешком, грубое лицо, бейсбольная кепочка задом наперед, мятая белая фуфайка, тяжелая поступь. Родители его были фермерами и при этом какими-то замкнутыми сектантами. До колледжа никого умнее коровы он, кажется, не встречал. Думаю, он был аутист.

Когда я увидела его текст, я не поверила своему счастью. Я не могу его воспроизвести, я потеряла рукопись – нью-джерсийские ливни добрались-таки до подвала и погубили весь мой архив – да если честно, я даже не помню, про что был рассказ. Что-то прекрасное в своей грубой дикости. Ну, скажем, сестра сидит за деревянным столом и ест ложкой гороховую кашу. Брат кидает в нее топором. Не попадает. Не помню почему. По ощущению – Брейгель. Дело было даже не в сюжете – хотя от страниц прямо пахло хлебом, горохом, дымом, и я увидела этих медленно поворачивающих головы людей, – а в каком-то необъяснимом умении этого увальня легко проходить сквозь стены слов на те подземные поля, что засеяны намерениями и где ходит ветер смысловых движений и шелестят причины. Рассказ был написан до половины. Потом просто обрыв.

– Вот, – сказал он. – Еще не знаю, как дальше.

Мы сидели в пустой аудитории, нам никто не мешал.

– А если вот тут подцепить и тянуть отсюда? – осторожно спросила я и показала пальцем. Он посмотрел.

– Можно, – отозвался он, подумав, – но ведь тогда провиснет вот это? – и тоже показал.

– Да... Но если подложить сюда немного – ля-ля, ля-ля, строчки четыре, не больше, а начало просто отстричь? – я не верила, просто не верила, что это происходит.

– Ага, и вот так вот заплести! – засмеялся он. – Понял, понял! Можно! Тогда я вот тут утяжелю.

И потыкал пальцем в бумагу, утяжеляя.

– И вот эту фразу я бы убрала... или передвинула. Она розоватая, а тут, в общем, дымно.

– Нет, она мне нужна. А вот я ее в тень. И, и, и... добавлю букву «джей», она графитовая.

Я уже была намертво влюблена. В облики невнятного мешка ко мне пришел астральный друг. Я могла бы сидеть рядом с ним часами не то чтобы глаза в глаза – смотреть там было особенно не на что, – а

голос к голосу, и мы, как Паоло и Франческа, читали бы любую книгу, перебирая ее четырьмя руками, как океанский песок, и смеялись бы, и радовались – маленькие дети, допущенные к вечности, пробравшиеся в незапертую дверь, пока взрослые отвернулись.

– Что вы будете делать дальше? – спросила я его.

– Хочу подать заявление в писательскую школу в Айове.

– Я дам вам рекомендацию.

– Но ведь я даже не дописал...

– Но вы же сами знаете, что допишете, потому что рассказ уже есть, просто его не видно.

Мешок озарился и медленно покивал головой. Мы говорили на одном языке. Потом он сгреб свои бумаги и вышел, тяжело ступая, не сильно отличаясь от стены. Я даже не помню, как его звали. Какое-то квадратное имя. Скажем, Картер. Пусть будет Картер» [Толстая 2013].

Как уже отмечалось выше, героиня терпела выматывающую ее работу ради вновь приобретенного дома. «Оторванность от России – дома не только биографического, но и духовного – повлекла за собой острое желание в своем творчестве преодолеть расстояние во имя возврата к «своему» пространству, «своему» прошлому, «своей» настоящей жизни» [Анисимова 2007: 18]. Дом ассоциируется у человека с чувством защищенности, покоя, уюта и счастья. Для героини рассказа Т. Толстой дом – это место, где видно сквозь стены, где возможен незамутненный контакт с миром, не только зримым, но и воображаемым. Например, она настолько четко себе представляет хозяйку дома, что буквально ее видит: «Посреди лужайки, перед домом она посадила японский клен, тот, у которого красные маленькие резные листья. Это она хорошо сделала! Я часто думала о ней, почему-то представляя себе ее в голубом платье: как она выходит из нашего с ней серого дома, щурится на солнце, как идет к белым розам, к сиреневым, сложно-гинекологическим в своем устройстве ирисам, как касается красных листьев черной-черной рукой и сама смотрит и видит, как это красиво. Еще она, как я выяснила, сажала нарциссы, но за много лет они ушли с участка на юг, и я находила их на границе со своими южными соседями, в зарослях и лианах, там, докуда ноги уже не доходили, а руки еще дотягивались. Конечно, я выкопала их и вернула к дому, ведь она так и хотела с самого начала. И мне казалось, что она прошла мимо и посмотрела» [Толстая 2013].

Однако купленный дом так и не становится ей родным: «Все равно это не то место. Опять не то место. Пора бы уже знать, что в то место не попадешь; может, оно в прошедшем времени, на зеленых холмах, может, затонуло, а может, еще не возникло». Причем предала дом

она сама, сдав его некоему Нильсену, посланцу ада, который бессмысленно изуродовал и дом, и сад, да еще и подал в суд на рассказчицу, истратившую залог, окончательно разорив ее. Нельзя было поддаваться на денежный соблазн, ведь дом, как говорит героиня, был ее земной скорлупой, оболочкой, а Нильсен, прикрываясь стерильностью, оказался тем лишаем, тленом, гнилью, которая разрушила дом. «Ведь это же был все-таки мой дом: живое, любимое, доверившееся мне строение, там солнце плясало на золотом паркете, там стоял стеклянный, как бы несуществующий стол, за которым я любила сидеть, а когда я уезжала, за него садились тени умерших и уехавших...». Дом утрачен навсегда. Героиня обращается к себе самой: «Да, девушка, вот такой финал: стоишь ты себе одна-одинешенька посреди американского континента, без гроша в кармане». Так и найдя своего места в Америке, героиня, распродав имущество, уезжает: «Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи. Постояла на повороте, посмотрела. Вырвала иглу из сердца и ушла» [Толстая 2013]. Таким образом, мотивы одиночества, бездомности, растерянности в рассказе Толстой тесно перекликаются с мотивами рассказов Н. Тэффи или И. Одоевцевой, героини которых также тяжело переносят свою вынужденную эмиграцию. Однако, в осмыслении этими писательницами проблемы оторванности от дома, возможности адаптироваться к новым обстоятельствам, существуют различия. Девушки и женщины в рассказах И. Одоевцевой неразрывно связывали образ дома с образом России, семьи, любви. Утрата дома означала для них утрату своего «я» и обрекала на жизненное поражение. У героини рассказа Т. Толстой нет привязки образа дома к географическому и национальному пространству. Место жительства для нее не имеет принципиального значения, но важно ощущение свободного творческого уединения в любом доме, который сама героиня сделает своим. Воспоминания о московском доме достаточно ироничны, именно там маляры («народ») принимали ее за актрису; не менее иронично описана и Америка, где студенты подозревали, что она знает какой-то технический секрет творчества и где, в конце концов, героиня надела на себя маску «адекватного» преподавателя. Гораздо ближе героине оказывается негритянка, некогда жившая в купленном доме, насадившая прекрасные цветы в саду. «Соотечественники» для героини – люди, способные создать красоту, не важно, какой они национальности. В отличие от первых эмигрантов, теперь у людей есть возможность вернуться, есть возможность выбора, т. е. нет состояния абсолютной обреченности социально-политическим и историческим событиям. Теперь вина за несостоявшуюся судьбу, за несохранный дом возлагается на самого человека. Уезжая из Америки об-

ратно в Россию, героиня не теряет свой дар, она только освобождается от соблазнов благополучия.

Таким образом, героиня Толстой представлена не столько как *русская* или как *женщина*, сколько как *писатель*, способный творить *легкие миры*.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова М.С. «Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (на примере романов И.С. Шмелева «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена»): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007.

Минеева И.Н. Феномен эмиграции в русской культуре XX–XXI вв.: генезис, семантика, интерпретации // Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / Сост. П. Буняк; Славистическое общество Сербии. Белград, 2013. С. 40–50.

Одоевцева И. Зеркало. Избранная проза. Вступительная статья, составление и комментарии Марии Рубинс. М.: «Русский путь». 2011. 665 с.

Рубинс М. Парижская проза Ирины Одоевцевой. // Одоевцева И. Зеркало. Избранная проза. М.: «Русский путь». 2011. 665 с.

Толстая Т. Лёгкие миры // Сноб. 2013. № 07–08. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/60065>.